

ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

The article is devoted to the perspectives of cultural-civilizational self-identification of the East-Slavic nations in the conditions of globalization. The problem is examined on the ground of revealing of historical factors of the East-Slavic identity-forming. The alternatives of possible future of the East-Slavic society are outlined. This article is devoted to the most pressing questions of the history of East-Slavic peoples in the context of globalization.

Введение. Процессы глобализации, под которой обычно понимается формирование единого общемирового экономического, финансового и информационного пространства, приобрели направленность, связанную с лидирующей ролью в них северо-атлантической цивилизации и характерной для последней экономикоцентричной системой ценностей, возводящей в культ экономическую рациональность и индивидуальный успех. Данная система ценностей, претендуя на универсальность, вступает в противоречия с многообразием традиционных ценностей, характерных для различных культур и цивилизаций, порождая ряд кризисных явлений антропосферы, в том числе и кризис идентичности, оказывающий в настоящее время разрушительное воздействие на социокультурное бытие восточнославянских народов.

В процессах формирования самоидентичности – личностной, этнической, цивилизационной – ключевую роль играет противопоставление личности или социальной общности Другим, исключение своего Я или Мы из одних социальных групп и отождествление с другими группами. Устойчивая идентичность подразумевает преемственность такого рода противопоставлений – отождествлений. Самый масштабный уровень идентичности – культурно-цивилизационный – обеспечивает воспроизводство наиболее мощных векторов духовного опыта человечества в течение времени «большой длительности». Под цивилизацией в рамках предлагаемых рассуждений будем понимать «народ или группу (“мозаическую целостность”) народов, политически контролируемых достаточно автономный ареал и исповедующих религию или идеологию, которая соотносит государственное строительство этих народов, их социальные предпочтения и культурный стиль с предполагаемым трансцендентным назначением человечества» [1]. Целью данной работы является выделение основных вариантов культурноцивилизационной самоидентификации восточнославянских народов на современном этапе и их социально-исторических следствий. Важнейшей задачей, необходимой для реализации такой цели, будет выявление факторов, исто-

рически повлиявших на формирование идентичности восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) как особой общности, имеющей не только близкородственные этнокультурные корни и историческую судьбу, но и обладающей специфическим духовным опытом, позволяющим формулировать идею культурно-цивилизационного единства восточнославянского мира.

Основная часть. Важнейшим из факторов социокультурной идентичности восточных славян долгосрочного характера стала православная традиция с ее всечеловеческими ориентациями, духом единения церковной общины в тяготах и радостях бытия. В соответствии с ними восточный славянин рассматривает себя прежде всего как «человека», отражая укорененную в ментальности подлинно христианскую установку воспринимать и любого другого прежде всего как человека.

Крещение Руси по византийскому образцу совпало с началами формирования традиционной ступени цивилизации восточных славян. На Западе распространение христианства накладывалось на давно сформировавшиеся, отлившиеся в архетипах коллективного бессознательного, антично-римские культурно-цивилизационные особенности. Античность стала разновидностью развитой традиционной цивилизации, в которой возникли «нетрадиционные» ценности индивидуальной состоятельности, закрепленные особенностями мифологии и установлениями демократии. Распространение христианства на Западе не нейтрализовало укорененные в ментальных структурах античной культуры интенции индивидуализма. Христианский дух Запады не помешал ему в соперничестве с «незападным» христианством подвергать военным нападениям и разграблению Византию и регионы, населенные славянами. Закономерным следствием духа состоятельности стало неизбежное для Запады и в условиях распространения христианства развитие рационального формально-юридического регулирования отношений между людьми как единственного способа ограничить претензии на реализацию индивидуальной свободы.

Византийские культурноцивилизационные основания в большей степени, нежели западноев-

ропейские, строились на приоритетах идей религиозного служения и христианско-нравственной регуляции индивидуальных притязаний. Это и позволило ряду авторитетных теоретиков в области социальной динамики ввести и использовать понятие «православной цивилизации» (А. Тойнби, С. Хантингтон, А. Панарин), отождествляя основания цивилизации не с географическим положением или названием народов, но буквально со спецификой религии.

У восточных славян сакральная вертикаль сознания формировалась практически одновременно с государственным и цивилизационным строительством. Установки приоритета сверхиндивидуального Мы, ранее включавшего уровни рода, племени, общины, трансформируются в наднациональное, вселенское, духовно-православное Мы. Позже христианство в виде православия сливается с национальным строительством, что препятствует формированию эгоистического этноцентрического сознания.

Здесь возник общественный идеал, который, как отмечает В. М. Межуев, «воспроизводил не гражданские структуры античной демократии, а изначальные формы христианской “духовной общины”, связующей всех узами братской любви. ...Нельзя спастись в одиночку, когда каждый только за себя. Спасение каждого зависит от спасения всех» [2]. Православие обусловило и такой важный фактор культурно-цивилизационной самоидентификации восточных славян, как преобладание установок несовершенства и вины, самокритичности и покаяния не только в индивидуальной и коллективной психологии, но и в системах исторической и философской рефлексии, созданных восточными славянами. В то же время на этой же, православной, основе сформировались особые мессианские интенции социально-исторического бытия русского народа (великороссов), подразумевавшие ответственность за сохранение веры и опору на православие в государственном и культурном строительстве. Можно полагать, что более четкое оформление национального самосознания именно у русских, выделившихся как особая часть древнерусской общности раньше по сравнению с украинцами и белорусами, связано с исторической неизбежностью для них четко обозначить себя не только как «мы – не немцы», но и как «мы – не татары». В определенной степени подобная полюсность идентичности коснулась и предков современных белорусов и украинцев. В конечном счете, в X–XVII вв. православие придало восточнославянскому миру характер духовной самодостаточности, что и выступает основой формирования особой цивилизации.

К среднесрочным факторам, повлиявшим на культурно-цивилизационную самоидентификацию восточнославянских народов, относятся

события геополитического противостояния православного мира турецкому давлению на юго-восточных рубежах и шведской, польской, французской – западноевропейской экспансии с севера и запада в Новое время. «В XVII в. Россия впервые в своей истории пережила страшное давление со стороны западного мира», – писал А. Тойнби. Внешние вызовы подтолкнули политическую централизацию и поиски способов социально-экономической модернизации восточнославянского мира в начале XVIII века. Запад, четко позиционировавший и до сих пор, но уже не всегда открыто позиционирующий себя сейчас как «мы – не турки» и «мы – не русские», тем не менее не стал для восточнославянских народов объектом ксенофобии. Более того, именно у Запада Россия периода имперского строительства заимствовала ряд элементов модернизационного проекта. В это время возникает тот самый трагический раскол в русском национальном самосознании (а также в формировавшихся в имперской России украинском и белорусском национальном самосознании), породивший в настроениях элиты доминирование дилеммы «запад – самобытность», которая надолго пресекла формирование определенной цивилизационной самоидентификации восточнославянских народов и до сих пор не исчерпала свой разрушительный потенциал.

Относительно краткосрочные и наиболее противоречивые факторы, повлиявшие на самосознание и самоидентичность восточнославянских народов, связаны с их совместной социокультурной судьбой в период существования Советского Союза. В это время в значительной мере самоидентификация русских, белорусов и украинцев формировалась в условиях атеизации общества, под мощным идеологическим прессом, направленным на конструирование новой исторической общности – советского народа. Тем не менее не было утрачено этническое самосознание русских, украинцев, белорусов, в определенной мере воспроизводилась и суперэтническая, славянская идентичность, а в тех чертах, которые был призван реализовать в своем социальном бытии и коллективном сознании советский народ, как ни странно, угадывается многое из того, что предполагает *в идеале* Православное Царство. В целом советский период истории восточнославянских народов содержал в себе множество признаков органичного для восточнославянского мира культурно-цивилизационного развития.

Таким образом, восточнославянские народы могут рассматриваться как «мозаичная целостность» близкородственных этносов, длительное время осваивавшая и политически обустроившая определенный географический ареал на основе специфической «сакральной вертикали», основанной на интегральных ценностях православия, создавая при этом поле цивилизационного

притяжения для носителей иных этнокультурных и конфессиональных ценностей (от угрофиннов и татар до евреев и бурятов).

Есть ряд причин, осложняющих процессы культурно-цивилизационной самоидентификации народов в условиях глобализации. Те, что связаны с современной сущностью глобализации, – американизация культуры, деградация духовности, стандартизация содержания источников информации – действуют повсеместно, но их потенциал по-разному разрушителен в разных культурных и цивилизационных ареалах в связи со специфическими долгосрочными и современными историческими обстоятельствами. Так, сохраняют свою цивилизационную специфику и соответствующую ей цивилизационную идентичность Китай и Индия, в условиях глобализации обнаружили себя тенденции бурного становления особой цивилизационной идентичности Латинской Америки. В то же время восточнославянский мир в постсоветский период столкнулся с ситуацией глубокого кризиса цивилизационной идентичности, который проявляется в разноректорных внешнеполитических ориентациях, ослаблении культурных связей между современными восточнославянскими государствами. Как и в некоторых других культурно-цивилизационных ареалах, происходящие процессы в значительной степени объясняются позицией элит: как непосредственно управляющих, политических, так и гуманитарных, не учитывающих исторически сложившиеся факторы цивилизационной принадлежности восточных славян и их не только национальные, но и культурно-цивилизационные интересы. В условиях несформированности культурно-цивилизационной идентичности восточнославянских народов к настоящему времени можно выделить следующие возможные варианты их ближайшего будущего:

1) переход восточнославянских культур в состояние окраинности и промежуточности по отношению к западноевропейской, исламской и стремительно самоутверждающейся китайской цивилизациям, что, возможно, изменит статус восточных славян как народов исторических, превратит ареал развития уникальной культуры в межцивилизационную яму;

2) стратегическое самоутверждение восточнославянских народов в роли особой локально-региональной цивилизации, одного из полноценных центров развития в многополюсном мире.

Заключение. Разграничение восточнославянских народов политическими барьерами в постсоветский период может стать рубиконом, за которым ветры истории окончательно разбросают возможность формирования мощной уникальной цивилизации, сочетающей универсальное и региональное посредством соединения императивов христианской нравственности и начал соборности (духовного единения), которые, кстати, не противоречат ни этнокультурной самореализации отдельных народов, ни духовной свободе. В настоящее время часть элиты усиленно теоретизирует тему «Мы – Европа», не всегда корректно разграничивая понятия Европы в географическом и культурно-цивилизационном смыслах. Другая часть связывает будущее русского, белорусского или украинского народа с развитием в качестве центрального звена идентичности этнического самосознания, очень важного, но недостаточного для полноценного развития в современном мире. Историческим факторам, влиявшим на формирование самоидентичности восточных славян, указанные направления не соответствуют и могут быть объяснены переходящей «исторической конъюнктурой» [3]. Ни европоцентризм, ни этнонационализм не помогут восточнославянским народам сохранить себя для исторического творчества. Ни один из них в отдельности не добьется того, чего они могли бы достичь вместе. Наиболее плодотворной, отвечающей требованиям преемственности для культурно-цивилизационного развития восточнославянского мира является ориентация на развитие и реализацию модели восточнославянской цивилизации [3] с воспроизводством в качестве сакральной вертикали основных ценностей православной традиции.

Литература

1. Цымбурский, В. Л. Идентичность цивилизационная / В. Л. Цымбурский // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 80.
2. Межуев, В. М. Россия и Европа: возможен ли диалог? / В. М. Межуев // Проблемы российского самосознания: Материалы 1-й Всероссийской конф. – М., 2007. – С. 24.
3. Новиков, В. П. Ценности и приоритеты развития современной восточнославянской цивилизации / В. П. Новиков, Н. А. Кандричин // Веснік БДУ. Серыя 3, Гуманітарныя навукі. – 2006. – № 3. – С. 51.